

ПЕСНЯ О ПРОДАЖЕ ДЕВУШЕК

Мы все не на дороге найдены.

За что ж рабынями мы стать должны?

(Весь век страдать, весь век тужить!..

Нам больно жить, нам трудно жить!)

Нас гнут к земле и топчут нас ногой

За то, что робки мы и не сильны.

(И каждый день, и каждый час

Так горек, так тяжел для нас!)

Нас в жизни всюду сильные теснят,

И терпим мы... Кто ж в этом виноват?

(Не мы ль виновны, что давно

Мы не боролись заодно?)

И против воли замуж выдают,

Как прежде, нас отец иль старший брат.

(А мы не смеем полюбить.

Нам суждено с немилым жить.)

Кто станет нас жалеть иль утешать?

Нас продают родной отец и мать.

(Им лишь бы нас спровадить прочь.
Они горды, продавши дочь.)
Они, как праздник, отмечают день,
В который им удастся дочь продать.
(В день свадьбы пляшут и поют,
Горды, что дочку продают.)

Но этот праздник длится краткий час.
Приходят будни черные для нас.
(Для нас до гробовой доски
Все дни черны, все дни горьки.)
И плачем мы, и с кровью пополам
Большие слезы катятся из глаз.
(Весь век страдать, весь век тужить!..
Так дольше мы не можем жить!)

За право жить подыдемся стеной
Борьбой добудем мы удел иной.
(Должны мы силы все напречь.
Должны оковы сбросить с плеч!)

По волнам воли будем плавать мы,
Как рыбы белые в воде речной.
(Мы станем вольны навсегда,
Как сладко будет жить тогда!)

Свои права в борьбе сумеем взять.
Уж нас в рабынь не превратят опять.
Свободный труд мы, вольные, возьмем,
И труд свой будем с честью выполнять.
(Борьбой, упорством и трудом
Дорогу к счастью мы пробьем!)

КРАСАВИЦА

Агай¹ Гибая дочь Хаят
Стройна, румяна и тонка.
За дочь свою агай Гибай
Берет калым у старика.

Когда по воду шла Хаят,
Промокли кис-коты² у ней,
И плачет у реки Хаят,
Горюет о судьбе своей:

«Я хлеба не умею печь,
Ведь я при мачехе росла.
Молитв не объясняли мне,
И я понять их не могла».

¹ Агай — обращение к старшим мужчинам
у татар, заменяющее отчество.

² Кис-коты — валеные коты.

Гусей Гибая караван
К реке плетется по земле.
Узнав, что продана Хаят,
Подруги плачут на селе.

Зверей не мало есть в лесу,
Но люди наши злей зверей, —
Не стыдно им, не жалко им
Продать за деньги дочерей!

В плену у мужа-старика
Как плачет бедная Хаят!
Агай Гибай, продавши дочь,
Теперь ты сам тому не рад.

Хаят для мужа полет лен.
А зной колюч, а лен высок.
Агай Гибай, тебя за дочь
Жестоко покарает бог.

Гибай, ты в рабство продал дочь.
На муки ты послал Хаят.
Агай Гибай, продавший дочь,
Теперь ты сам деньгам не рад.

Под вечер убежала прочь
Из дома мужнего Хаят.
Но муж догнал, но муж поймал
И приволок ее назад.

БАТРАКИ

Насколько помню, шел тогда
Как раз девятисотый год.
Был вешний паводок: вода
Ломила льды, губя народ.

Из дома шел я налегке:
Камзола¹ даже не надел.
С людьми, что были в челноке,
Я попрощаться не успел.

Когда я сеял мой горох,
То осталась семян арба.
Я на реку и не ехать мог,
Но повлекла туда судьба.

В реке мы плавали, дрожа.
Народ вопил, народ тонул.

¹ Камзол — татарский костюм вроде жилета.

Держался долго Галимджан,
Но, наконец, и он нырнул.

Среди плывущих льдин, в тот миг
Барахтаясь (какой в том толк?),
Кричали мы; наш дикий крик
Слабел и, наконец, умолк.

— Куда ушел Галиакбар?
В какие канул тайники
Пловец, сильнейший из татар? —
И он лежит на дне реки!

Он был бедняк. Последний рубль
Он нес купить вязанку дров.
Когда он погружался вглубь,
Его глаза слепила кровь.

Тогда баграми рыбаки
Тащили нас, кого пришлось,
Из недр бушующей реки...
Но всех спасти не удалось.

У нас богатое село:
В нем пять мечетей, десять мулл.
До нахождения мертвецов
Стоял на Волге караул.

Вода, как сделалось темно,
Разбила ветхую ладью.
Мои друзья пошли на дно,
И не увидели семью.

Помещик засекает хлеб
При помощи машин своих...
Под нищими разверзлась хлябь
И поглотила семерых.

Галиакбар лежит в воде.
Бедняк! Он душу отдал ей.
Я был в его избенке, где
Стоял немолчный плач детей.

У Тохановских, богачей,
Стоят с балконами дома.
А бедняков от их детей
Отъединяет смерти тьма.

Избенку, что построил он,
Зимой обложит серый мох...
Был над селом немолчный стон,
Абдулкаюм от грусти сох.

К своим подъехав воротам,
Я лег на печку головой
И стал винить себя, что сам
Отяготил я жребий свой.

Тот год был тяжек и суров,
Осиротело семь семей,
И в половодье из-за дров
Погибло множество людей.

В ночной реке Галиакбар
Нашел кончину в том году.
Нам не рубить уж с ним чинар
В густом усадебном саду.

Кучкар-хозяин не дает
Ни дров, ни веток, — ничего!
Так что ж! Пусть смерть падет
На сердце грязное его!

Но вот пришли и рыбаки
Ловить сетями мертвецов.
Галиакбара из реки
Поднялось вспухшее лицо.

Потом мелькнули в их сетях
Еще распухших шесть голов.
Был полон их улов, но, ах,
Как был печален тот улов!

Они лежали на столах,
Водою съедены на треть,
На их лиловые тела
Начальство съехалось смотреть.

Водой раздутый, словно шар,
Остывший, синий и седой,
Лежал старик Галиакбар:
Он был неделю под водой.

В реку летели с высоты
Листы, блестящие слегка...
Как эти листья, в вечность ты
Семь жизней унесла, река.

ЗЕЛАЛИ

Был тысяча восемьсот —
Восемьсот девяностый год.
В апреле умер Зелали,
На родину не придет.

Судьба писала, быстра,
Кровавым следом пера.
Никто не минет судьбы,
Ни зла ее, ни добра.

На почках рвется плена.
Цветет повсюду весна.
Красавица Гайниязмал
Тоски о милом полна.

Земля кругла, велика,
Дорога-жизнь далека,
Зелали ж оборвался путь,
Была его жизнь коротка.

Он в досталь жизни не знал,
Нужду лишь, горе встречал.
Семьи любимой своей
Он досыта не видал.

Над нашим бедным селом
Носятся тучи и гром.
Обрушилась на Зелали
Земля могильным бугром.

Его повалило вкось,
Раздвинулись кости врозь.
Он строил железный путь,
Пути домой не нашлось.

Где песнь поет соловей?
На иве между ветвей.
Где умер, где Зелали?
Под землей у стальных путей.

Голубка пух растрясет,
Кто этот пух соберет?
На чужбине погиб Зелали,
Кто к могиле его понесет?

Сорвался лист на ветру,
Лист канул в пруд поутру.
Так канул в землю, как лист,
И Зелали на юру.

Родных, — братьев, сестер, —
Не сыщет жаждущий взор:
Погиб в земле, не простясь,
Земля — могильный бугор.

А дома, в дальнем селе,
Неуютно, грустно семье.
Осталось имя его,
А он давно уж в земле.

Зеленую шапку в пыли
Сколько лет носил Зелаали.
Вот с этой шапкой погиб
Под черной грудой земли.

Он скучал по родным местам,
По дому и по цветам.
Он знал, что, грустя, жена
Печально ждет его там.

В конторе немного монет
Получил и домой билет.
Но родины ему не видать, —
Сказала судьба ему: нет!

У леса возле реки
Легли дороги пески.
Гайниязмал мужа ждет,
Исчахла от горя, тоски.

Распевают птицы в лесах
На разные голоса.
Будет обрадован враг,
Горька сироток слеза.

Стоят два столба над водой,
Река их качает волной.
Двое детей Зелаали
Остались навек сиротой.

Цветут сирень и жасмин.
Отца зовет Бурганетдин,
Все справляется об отце
Зелали меньшей сын.

Придешь к Зелали воротам —
Ворота ставил он сам, —
Подумаешь — дрожь берет! —
Как был он раздавлен там.

Эту песню я написал,
Кровью сердца ее пропитал.
Будут петь эту песню те,
Кто в жизни страдал-горевал.

ПЕСНЯ ОБ УРТАУЛЕ

Эй, сестры, слушайте рассказ,

Как при царе душили нас.

Я про деревню Уртаул¹

Вам песню пропою сейчас.

Кто знает ход грядущих дней?

Кто знает путь судьбы своей?

Начальство к нам в аул пришло,

И мы должны принять гостей.

Вода в морях горька, как яд.

Попробуй, — будешь сам не рад.

Но горше дни, когда в селе

Стоит карательный отряд.

Эй, сестры, слушайте рассказ

О том, как в горький день и час

Из трех окрестных деревень

Согнали к Уртаулу нас.

¹ Уртаул — по-татарски означает — средняя деревня.

Да, жизни будешь сам не рад,
Когда карательный отряд,
Не выпуская никого,
Дежурит много дней подряд.
Шел долго обыск у крестьян.
Три дня не слышался азан¹.
Мечеть закрыли, и под ней
Гудел военный барабан.
Эй, сестры, слушайте рассказ:
Оружье отняли у нас.
Солдаты грабили добро
И на еду, и про запас.
Забрали по деревне всей
И уток наших, и гусей.
Кто даром не хотел отдать,
Тот был под взмахами плетей.
И кур забрали, — просто так.
Сварили супа полный бак.
Нажрались досыта. Потом
Кормили курами собак.
Казаки были злей волков.
Они травили бедняков.
Они в мороз из медресе²
Прогнали сто учеников.
Был лед от стужи, как кремень,
Когда погнали в лютый день
Они в публичные дома
Красавиц наших деревень.
А губернатор, верно, рад,
Что может ждать себе наград, —

¹ Азан — мусульманский призыв на молитву.

² Медресе — мусульманская школа.

За то, что муки нам принес,
Каких не знает даже ад.
На тракте в ночь, как никогда,
Стонали долго провода.
Приехал губернатор к нам...
О, как стонали мы тогда.
Мороз колюч. И снег идет.
Метель на улице метет.
Сто офицеров против нас
Вели карательный поход.
Вот губернатор едет. Он
Своей победой упоен.
Он в медресе ученикам
Сказал: «Сейчас идите вон!»
Идут каратели вперед.
Полковник впереди идет.
Когда прошли Тубенаул¹,
Заплакал горько весь народ.
Да, был печален мой рассказ.
Его я берегла для вас,
Чтоб знали вы, как при царе
Душили и травили нас.

¹ Тубенаул — означает: нижняя деревня.

ПЕСНЯ О СЕМИ ДЕВУШКАХ

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ

Семь юных девушек решили
Учиться в школе у муллы.
Они из дому в мужских костюмах
Тайком бежали в Каргалы.

О том, что девушки бежали,
Не знал никто в родном селе.
В пути застигнутые ночью,
Они уснули на земле.

Семь юных девушек — подруги,
И меж собою схожи все,
Подали милостыню нищим
У входа в нашу медресе.

Когда они входили в школу,
Пройдя тяжелый длинный путь,
У каждой сердце волновалось,
У каждой колыхалась грудь.

Крыльцо мечети нашей грязно,
Слоями пыль на нем легла,

Семь девушек Коран читают,
И хвалит чтение их мулла.
Их кудри наголо обрили
Московской бритвой в медресе.
Когда о том узнали дома,
То долго изумлялись все.

Семь девушек среди шакирдов¹
На скамьях в медресе сидят.
Спроси их — кто вы и откуда?
Они, наверно, промолчат.

Как соловей в лесу зеленом
Чарует сладкой песней нас,
Так девушки в часы занятий
Собою озаряют класс.

Коран читая, друг на дружку
Они исподтишка глядят.
Когда шакирды их узнают,
Повсюду вести полетят.

Они учились в школе долго
И жили там не малый срок.
Мулла с шакирдами своими
Узнать в них девушек не мог.

Птенцы из клетки золоченой
Умчались, канули вдали.
Семь девушек среди шакирдов
Учебу в медресе прошли.

Но раз прошла босой по снегу
Одна из них — Бадризямал.
С тех пор бедняжка заболела,
И жар ее тревожить стал.

¹ Шакирд — ученик медресе,

Когда она однажды в бане
Была среди подруг своих,
К ним в баню сын муллы ворвался,
И тайна вся раскрылась вмиг.

И взял Бадриязмал он в жены,
И в дом увел ее с собой.

Мулла наш очень удивлялся,
Что стал шакирд его снохой.

Семь юных девушек-подружек
Пошли учиться в Каргалы.
Домой их шестеро вернулось, —
Одна осталась у муллы.

Ей больно жить с немилым мужем,
Ей скучно без подруг одной.

Она тоскует на чужбине
По матери своей родной.

Теперь домой ей не вернуться,
Не вырваться из Каргалы.

Зачем завлек, зачем похитил
Ее лукавый сын муллы?

Ей не милы ее наряды.
Она, как пленница, живет.
Она по родине тоскует,
Она о родине поет.

Не спится ей. Встает с зарею
Печальная Бадриязмал.

Мулла дивится, что снохою
Ему шакирд из школы стал.

Семь юных девушек-подружек
Пошли учиться в Каргалы.
Домой их шестеро вернулось, —
Одна осталась у муллы.

ПЕСНЯ О СЕМИ ДЕВУШКАХ

ВТОРОЙ ВАРИАНТ

Мы, семь подруг, решили вместе
Учиться в школе у муллы.
И из дому в мужских костюмах
Ушли однажды в Каргалы.

Когда мы в школу уходили,
Родным мы говорили все:
«Теперь о нас вы узнавайте
От едущих из медресе».

У школы каргалинским нищим
Монету каждая дала.
Мулла нас принял за джигитов,
И взял в шакирды нас мулла.

При входе в школу, как мужчины,
Мы поздоровались тотчас¹,
Что ж не ответили шакирды?
Ужель узнали женщин в нас?

¹ У мусульман женщинам надлежит здороваться иначе, чем мужчинам.

Шакирдов в школе каргалинской
Не мало — человек пятьсот.
Они за нас платили взносы,
Чтоб мы учились без забот.

Мы каждый день вставали рано.
Мулла ж ленивый долго спал.
Могли б прочесть мы семь коранов,
Пока с постели он вставал.

Прозрачней речки каргалинской
Ты не найдешь нигде реки.
Над нами в классе издевались,
Что голоса у нас тонки.

Мы долго в медресе учились
И жили там не малый срок.
Мулла с шакирдами своими
Узнать в нас девушек не мог.

Когда мы из дому шли в школу,
Был теплый день, и ветер был...
Когда мы вслух читали в школе,
Нас женский голос подводил.

Однажды нас, подружек, в бане
Лукавый сын муллы застал.
И в жены взял подругу нашу,
Красивую Хабибзямал.

Хабибзямал, поднявшись рано,
Гуляет в садике босой.
Мулла наш очень удивлялся,
Что стал шакирд его снохой.

Я весь коран переписала,
Я лазила на минарет...
Сегодня в зеркало взглянула, —
В моем лице кровинки нет.

Я, глядя в зеркало, дивилась,
Куда исчез румянец мой...
Когда в нас девушек узнали,
Из школы мы ушли домой.
 Мы долго в медресе учились
 И жили там не малый срок.
 Мулла с шакирдами своими
 Узнать в нас девушек не мог.
В мужских костюмах мы ходили,
Считали за шакирдов нас...
Увы, открылась наша тайна,
И мы войти не можем в класс.
 Мы семеро учились вместе,
 Мы жили дружно в медресе...
 Хабибзямал одна осталась,
 А мы домой вернулись все.
Идя домой, я оглянулась
На медресе, на Каргалы.
Домой нас шестеро вернулось:
Одна осталась у муллы.

ПЕСНЯ О БЕДНЯКАХ ИЗ СЕЛА БАЛЫКЧИ

Эта песня ведет
В дни тревог и невзгод,
В дни, когда мы терпели беду, —
В тысяча восемьсот
Девяностый год; —
Было плохо нам в этом году.

В Балыкчи не могли
Мы прожить без земли.
(А земель наша волюсть бедна.)
С богачами вели
Спор мы из-за земли
Опустевшей деревни Ышна.

Мы жили в Балыкчи — селе
На тощей и плохой земле.
Нам, беднякам, жилось не сладко,
И хуже всех Хамидулле.

У нас в ауле Балыкчи
Насыр с Гумером богачи.

А больше никого богатых
Не сыщешь (лучше не ищи).

Над нами все, кому не лень,
Смеялись, коль в базарный день
Мы, оборванцы, приезжали
В одну из ближних деревень.

Как жить крестьянам без земли?
Мы прокормиться не могли.
Вблизи ж остался без хозяев
В тот год большой надел земли.

Деревня там была, Ышна.
(От нас ближайшая она.)
В ней вымерло от эпидемий
Все население сполна.

Но не хотелось богачам
Отдать пустую землю нам.
Гумер с Насыром пожелали
Поля Ышны прибрать к рукам.

Мы всем селом в Ышну пришли,
Совет мы меж собой вели.
Решили мы, что богатеям
Без боя не дадим земли.

Мы землемера от казны
Призвали с дальней стороны,
Чтоб разделил он справедливо
Средь бедняков поля Ышны.

И землемер приехал к нам,
Столбы расставил тут и там.
И все ышнынские поля он
Сполна прирезал богачам.

На столбик межевой взглянул
Хамидулла и вмиг смекнул, —
Что, богатеями подкуплен,
Нас, нищих, инженер надул.

Все захватили богачи.
Но мы, крестьяне Балыкчи,
Шагая за Хамидуллою,
Столбы все выкрали в ночи.

А землемер, надувший нас,
Был прогнан нами в тот же час.
И мы решили справедливо
Делить поля на этот раз.

Была в руках у нас земля.
Ее на части разделя,
Мы, балыкчинцы, запахали
Добытые в Ышне поля.

Приехал к нам в Ышны ахун,
Он языком трепал, болтун,
Он заклинал нас бросить землю.
Но знали мы: он — вор и лгун.

Потом пришел мулла Нугман.
За словом он не лез в карман.
Он тщетно звал, Ышну оставив,
Вернуться в Балыкчи крестьян.

Владели с месяц мы землей.
Но прискакал исправник злой
И приказал своим казакам
Нас выгнать из Ышны долой.

Он гнать нас плетками велел,
Он страх на нас нагнать сумел.
Когда вернулись в Балыкчи мы,
То были все белы, как мел.

Когда был выгнан землемер,
В Казань удрал богач Гумер.
Там губернатора просил он
Нас наказать другим в пример.

О нашем бунте, говорят,
Узнал сам царь, узнал Сенат.
И царь велел, чтоб губернатор
Перепорол нас всех подряд.

А губернатор делу рад,
Собрал тотчас пятьсот солдат,
Сел на коня, и к Балыкчи он
Повел карательный отряд.

Он едет к нам: земля дрожит.
Его медаль, как жар горит.
Узнав, что едет губернатор,
Мы все заплакали навзрыд.

Чинить расправу едет власть.
И нам не отвести напасть.
Теперь из-за земель Ышны мы
Должны на каторгу попасть.

Узнавши, что идет беда,
Согнали в рощу мы стада
И всех коров перекололи,
Пока солдаты шли сюда.

Военный слышится сигнал,
То губернатор прискакал.
Как оцепить деревню нашу,
Гумер казакам показал.

Что делать? Как нам быть, друзья?
Солдаты, ружьями грозя,
Деревню нашу окружили,
И убежать никак нельзя.

Военный барабан стучит.
Село захвачено в ночи.
Позор тебе, Гумер-предатель,
Врагов приведший в Балыкчи.

Несут солдаты караул.
Наполнен ими весь аул.
Хамидулла отдал казаку
Тулуп, но горя не минул.

Хамидулла, ты должен знать,
Что, сколько б палачам не дать,
Хоть трех коней бы отдал ты, —
Тебе беды не миновать.

В тюрьме из стали ворота.
Тюрьма надежно заперта.
А сын Хамидуллы тоскует,
Как будет жить он, сирота?

Когда аул наш Балыкчи
Солдаты заняли в ночи,
То радовались их приходу
В соседних селах богачи.

Пришел карательный отряд,
Пришло в аул пятьсот солдат.
И сотню наших балыкчинцев
Сковали длинной цепью в ряд.

Не смей роптать — казак сердит.
Казак нас грабит, как бандит.
А нашим девушкам казаки
Несут с собой позор и стыд.

В ауле стон, в ауле плач...
Несется губернатор вскачь.
Сняв шапку, низко поклонился
Карателю Насыр-богач.

Наш толстый бай-Насыр богат.
Он русских угостить был рад.
И сто яиц с собой унес
Зашедший в дом его солдат.

Насыр-богач на бедных зол.
Он к губернатору пришел,
Чтоб гнев карателей обрушить
На тех из нас, кто нищ и гол.

Три дня в ауле шел разбой.
Казаки пьяные гурьбой
Врывались в избы к нам и женщины
Вели насильно за собой.

Солдатам рады богачи.
Бедняк, терпи! Бедняк, молчи!
Солдаты всех овец поели
У бедняков из Балыкчи.

Кто прав из нас, кто виноват?
Нас всех хватали наугад.
И мы, закованные в цепи,
Идем средь пятисот солдат.

Взгляни: на улицах села
Творятся страшные дела —
Солдат напившихся орава
На муки женщин погнала.

Узнал я, что для бедняка
Свобода и в нужде сладка.
Узнал, когда сидел в тюрьме я,
Как жизнь тюремная горька.

Мы рады бы — не так ли, друг? —
Отдать им все — и дом, и плуг,
Лишь только б кандалы стальные
Не сковывали наших рук.

Есть пруд у нас, что всем знаком,
Шоссе проходит за прудом.
В Сибирь идти не пожелал я,
Но повели меня силком.

Пшеницу, что у нас растет,
Никто теперь не уберет.
Прощай, аул и дом родимый,
Меня в Сибирь патруль ведет.

За то, что жить мы не могли
В нужде без пахотной земли,
За то, что землю эту взяли, —
Теперь в Сибирь нас повели.

Нас вел солдатский караул.
И я последний раз взглянул
На домик свой, привычный с детства,
На свой разграбленный аул.

Мы ввергнуты в тюремный ад,
И отнята земля назад,
И нищие запасы наши
Пожрал карательный отряд.

Так мы из-за земель Ышны
Ограблены, разорены...
И песнь поют о горе нашем
По деревням родной страны.

СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

Так вот... был тыща восемьсот
Шестидесятый год тогда.
Лавиной, грянувшей с высот,
На нас обрушилась беда.

Меня забрали в сентябре,
Шуршал осенний мягкий шелк.
Туманным утром на заре
Я в царскую казарму шел.

Окрасив горизонта гладь,
Заря встает из-за леска...
Но будет нас всю жизнь глотать
По ней солдатская тоска.

В казарме вышел я во двор,
Чтоб ветер освежил виски,
Но вспомнил родины простор,
И сердце сжалось от тоски...

... Вот из саней, стегнув коня,
Валюсь я, на потеху всем...
Чем жить, судьбу свою кляня,
Так не родиться бы совсем.

Поднялся б в гору из лошин,
Да корни острые торчат.
Пришло несчастье, — не ропщи,
Терпи и мучайся, солдат.

Взмутил бы я речную гладь,
Но в речке счастья не поймать.
Помог бы страннику в пути,
Чтобы в солдаты не идти.

Когда пришел я на прием,
То фельдшер с доктором вдвоем
Сказали: «Годен!» В тот же миг
Солдат мне волосы остриг.

Из котелка бежит струя,
Солдатский варится обед.
Солдат заходит в те края,
Куда для птиц дороги нет.

На той горе, где снег и лед,
Деревья хвойные шумят.
А на чужбине слезы льет
В тоске по родине солдат.

Уйдя из горницы в закут,
Рыдает мать: ей сына жаль.
И слезы жаркие текут
В зеленую густую шаль.

Она сквозь тонкий звон в ушах
Вдруг слышит явственно вполне,
Что даже лебедь в камышах
Тихонько плачет обо мне.

Отец для матери кумач
Привез с базара и сказал:
«Утешься, старая, не плачь!»
И вытер матери глаза.

Кумач и ситец голубой
Он положил у старых ног.
Но сына, взятого судьбой,
Вернуть он матери не мог.

На волжском берегу двоих
Гусыня стережет гусят,
А у родителей моих
Единственный сыночек взят.

Еще недавно в три броска
Переплывал я Волгу в муть.
Через тебя ж, моя тоска,
Я не могу перешагнуть.

Звенит над Волгой соловей!
Люблю крылатого певца.
О дальней родине своей
Я плачу, плачу без конца.

Прости меня, родная мать.
В субботний час, вечерний час,
Когда померкнет Волги гладь,

Молись за нас, родная мать.
Молись за нас,
Молись за нас.

Там, вдоль дороги, лебеда,
В пути костянники стоят.
Отцы и матери туда
Глядят: не видно ли солдат.

Но нас не видно. В дождь и в грязь
Мы в город движемся... на юг.
Напрасно в даль глядит, молясь,
Моя жена — мой верный друг.

ВТОРАЯ ПЕСНЯ

Полсотни лет тому назад
В седое утро сентября
Я был обрит и силой взят
В казарму русского царя.
 Что же делать, Латыфа, Латыфа,
 Не уйти нам от судьбы, эх, судьбы!

Напрасно я перед тобой
В зияне¹ новом щеголял.
Я на чужбине. Голубой
Твой взор померкнул и увял.
 Что же делать, Латыфа, Латыфа,
 Не уйти нам от судьбы, эх, судьбы!

Глаза у рекрута от слез
Слипались. Я поехал в лес.

¹ Зиян — верхняя одежда.

И конь меня не мчал, а нес...
Он даже в гору быстро лез.
Что же делать, Латыфа, Латыфа,
Не уйти нам от судьбы, эх, судьбы!

В крещенский праздник над рекой
У проруби гнусавит поп,
Не верь ему, хотя рукой
Он лицемерно крестит лоб.
Что же делать, Латыфа, Латыфа,
Не уйти нам от судьбы, эх, судьбы!

У деревенского пруда
Все дамбы залиты водой.
Я терпеливым был всегда:
Не захлестнуть меня бедой,
Что же делать, Латыфа, Латыфа,
Не уйти нам от судьбы, эх, судьбы!

Девчина, у тебя платок
С такой красивой бахромой.
Молись, девчина, на восток,
Чтобы вернулись мы домой.
Что же делать, Латыфа, Латыфа,
Не уйти нам от судьбы, эх, судьбы!

Бегут березы по крыльцу.
Их редкий лист угрюм и вял.
Скажите моему отцу,
Чтобы надежды не терял.
Что же делать, Латыфа, Латыфа,
Не уйти нам от судьбы, эх, судьбы!

В даль по дороге столбовой
Столбы бегут в родном краю.
Скажите, пусть родитель мой
Подругу бережет мою.

Что же делать, Латыфа, Латыфа,
Не уйти нам от судьбы, эх, судьбы!

В осенний день, прозрачный день
На тракт слетаются грачи.
И слышен птичий крик везде,
И сердце радостно стучит.

Что же делать, Латыфа, Латыфа,
Не уйти нам от судьбы, эх, судьбы!

В мечетях наших деревень
Пылают свечи поутру.
Солдаты же в морозный день
В шинелях мерзнут на ветру.

Что же делать, Латыфа, Латыфа,
Не уйти нам от судьбы, эх, судьбы!

Я песни пел, встречал зарю,
Я рос, как ягода в лесу.
И вот подарен я царю
Держать берданку на весу.

Что же делать, Латыфа, Латыфа,
Не уйти нам от судьбы, эх, судьбы!

Я ветвь большую топором
Срублю с березки у окна,
Чтоб девушек в краю родном
Напоминала мне она.

Что же делать, Латыфа, Латыфа,
Не уйти нам от судьбы, эх, судьбы!

Свисает с их лебяжьих шей
Монет красивый полукруг...
Мученья наших сыновей,
Кафиры¹, дело ваших рук.

Что же делать, Латыфа, Латыфа,
Не уйти нам от судьбы, эх, судьбы!

Печально улицей прямой
Шагают нижние чины.
Сбежал бы я к себе домой,
Но все мы строго сочтены.

Что же делать, Латыфа, Латыфа,
Не уйти нам от судьбы, эх, судьбы!

Есть дети и у лебедей.
Они втроем, они вдвоем.
Мы ж одного из трех детей
Царю на мясо отдаем.

ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ

Сегодня ночью страшный сон
Увидел я.
Ко мне на сердце колесом
Вползла змея.

Ах, мама, мамочка моя, вползла змея.

Я ночь проспал настороже.
От сна устал,
А утром рекрутом уже
С постели встал.

Ах, мама, рекрутом уже с постели встал.

¹ Кафиры — неверные.

Отец мулла, и хоть ему
Не мало лет,
Всегда в халаты и чалму
Отец одет.

Ах, мама, очень хорошо отец одет.

Просил наемщика нанять,
Но он сказал:
«Опять платить? Расход опять?»
И отказал.

Ах, мама, мамочка моя, он отказал.

Я взял посуду и пошел,
Как в детстве в лес.
На горке ягоды нашел
И в ров залез.

Ах, мама, с горя и тоски я в ров залез.

Я рос и строен, и красив
Затем, кажись,
Чтоб за царя «всея Руси»
Отдать мне жизнь.

Ах, мама, чтоб за царя отдать мне жизнь.

Годится, чтоб царя беречь
И сын муллы.
Так все дрова годятся в печь
И на колы.

Ах, мама милая моя, и на колы.

Так, значит, тополя стройней
(Об этом сон),
Я рос на пищу для зверей
И для ворон.

Ах, мама, слышишь ли меня? — И для во-
рон.

В саду полно пчелиных сот.
И каждый день
Рой крылья легкие несет
Через плетень.

Ах, мама, крылья рой несет через плетень.

Он прилетит, собрав свой мед
С лугов у рек.
А твой любимый сын уйдет
Навек, навек.

Ах, мама, твой сын уйдет навек, навек.

Ах, мама, близок мой конец.
Таков удел,
Умрет твой сын, чтобы отец
Разбогател.

Ах, мама, мама, чтоб отец разбогател.

Перед избой растут, взгляни,
Листвой звеня,
Седые вербы, но они
Не для меня.

Ах, мама, вербы, что растут, не для меня.

Я бы наемщика нанял,
Чтоб много лет
Царю служил он за меня,
Да денег нет.

Ах, мама милая моя, ведь денег нет.

Все лето не жалел я сил...
Послушный сын —

Я рожь отцовскую косил
И жал овсы.

Ах, мама, мамочка моя, я жал овсы.

С обидой, камня тяжелей,
Иду служить.
Отец для сына пожалел
Немного ржи.

Ах, мама, мама, пожалел копенку ржи.

Что жизнь? Сегодня ты здоров,
А завтра в гроб.
Я нарубил из дуба дров,
В телегу сгреб.

Ах, мамочка, поленья дров в телегу сгреб.

Один, другой и третий брат —
Все злей волчат.
Им не понять моих утрат,
Они молчат.

Ах, мама, что им до меня! Они молчат.

У речки белое белье
Полощет мать.
Ей горе черное мое
Не отстирать.

Ах, мама, горюшко мое не отстирать.

Увидевши во сне змею,
Дрожит до пят:
Сын будет жить в чужом краю
Среди солдат.

Ах, мама милая моя, среди солдат.

Над острьями горных круч,
Над сенью рош
Плывут седые клочья туч,
В них гром и дождь.

Ах, мама, слышишь ли меня? В них гром
и дождь.

Но нет, в солдаты не пойдет
Твой сын, отец,
Другое место он найдет,
Ему конец.

Ах, мама, мамочка моя, сынку конец.

Пускай стеречь твою межу
Идет другой...
Уже в больнице я лежу...
Из раны — гной.

Ах, мама милая моя, из раны — гной.

Пускай другой тебе идет
Пахать луга.
В больнице жарко. Пахнет пот.
Болит нога.

Ах, мама, мамочка моя, болит нога.

Отца жестокого кляня,
Умру я тут.
Чужие люди в гроб меня
Уволокут.

Ах, мама, мама, в гроб меня уволокут.

ПЕСНЯ О ВОЙНЕ

В горле слезы сжав комком,
Эту песню всем полком
Мы писали, день за днем
Выстрадав ее.

День за днем, за яром яр,
Нас кровавый гнал угар
На Балканы, на болгар
Ружья заряжать.

Не сочтут мои глаза,
Сколько дыр у картуза!
Мы врывались, как гроза,
В города болгар.

Снег аршина в полтора
Всю покрыл тебя, гора!
Бой от ночи до утра,
Плохо дело их.

Но с горы катясь бугром,
Орудийный мчится гром.
То — болгары. Мы — кругом.
Поздно: нет путей.

Пушек шум, как волчий вой.
Вьется дым пороховой.
Чья-то шапка с головой
Под гору летит.

К выпшкам гор коня гоню,—
Не подняться здесь коню.
Мы попали в западню;
Нас болгары бьют!

Вверх солдаты побредут:
Верховые тут, как тут!
Будто кладбище редут.
Как в гробах живем.

Холод речки по весне
Вспоминаю, как во сне,
Ибо нынче мир в огне,
Пламя лижет нас.

У болгар раздастся: «Пли!» —
Горы прочь с лица земли.
В этой каменной пыли
Мы погребены.

И высок, и крут подъем:
Без подковы не возьмем!
Матери, в краю родном
Не забудьте нас!

День — вода и ночь — вода,
Долго плавали мы сюда,
Встречных к нам гнала беда:
Бомбу и снаряд.

Каска тяжкая в бою
Давит голову мою.
Поскорее бы, молю,
Мой конец пришел.

Мне стрелять велит судьба,
Днем стрельба, в ночи стрельба,
И окопы, как гроба,—
Смерть их стережет.

Не хочу глядеть вперед:
Там болгарский пулемет.
Гляну я назад: встает
Цепь кремнистых гор.

Но в раскатах огневых
Я не в силах и на миг
О родителях своих,
О семье забыть.

В бой идут, держа союз,
Вместе русский и француз...
Нет, живым я не вернусь,
Бойня без конца!

Для того ли, солона,
Нас несла сюда волна,
Чтоб в ночах не ведать сна
И стрелять, стрелять.

Тридцать суток корабли
Из Архангельска брели.
Я боюсь: родной земли
Не увижу вновь.

Льется струйка серебра
По груди твоей, гора.
Как дубовая кора,
Наш солдатский хлеб.

Проезжали столько стран,
Понабрали столько ран,
Но дрожим, когда буран
Битвы прошумит.

Страшен этих битв разгар:
В холод бросит он и в жар
Между трупами болгар
Шагу не ступи.

Страшен громовой раскат:
То орудия палят.
Эдак верст за пятьдесят
Слышим мы его.

У болгар уже рассвет.
Их окопы — выше нет.
Рядовым по сорок лет,
Значит, старики.

От болгарского огня
Замутило и коня!
И над каской прозвения,
Пули прочь летят.

Все пройдет: война, тоска,
Перемелется мука.
Чья-то выроет рука
Яму для меня?

Вот, небес прорезав твердь,
Самолетом правит смерть.
Вынесет ли водоверть
К берегам родным?

Засыпаешь сладким сном —
Вдруг ворвется в уши гром.
Нет, покоя не найдем
В этой жизни злой!

Я не верю, я забыл:
Разве я ребенком был?
Вот умру в расцвете сил,
Счастья не узнав.

Я на камне, встав чуть свет,
Имя вырезал... в ответ
Грянул дождь — и камня нет:
Ливнем пуль размыт.

Солнце искоса глядит —
Осень скоро прилетит:
Нынче, верно, золотит
Родины поля.

Твердь небесная темней.
Сколько звезд бежит по ней!
А сочтешь ли, сколько дней
Мучаемся мы?

Тридцать суток корабли
В Салоники нас везли.
В деревнях родной земли
Плач лился рекой.

Вот ушел Архангельск прочь.
Вместо дня — сплошная ночь.
Мы в окопах, нам невмочь,
Бродит смерть вокруг.

Из Архангельской земли
В Салоники мы пришли.
Коснуло начальство: «Пли!...»
И — пошла писать.

По воде, по голубой.
Взяв провизию с собой,
Поибыли. И сразу — в бой,
Убивать болгар.

Вот и Салоники... их
Мы на кораблях своих
Месяц ждали... Жаль родных,
А себя не жаль.

Смял январь снега в сугроб —
На войну пришли, как в гроб.
Как увижу свой окоп,
Сердце застучит.

«По врагу огонь!» — кричат.
Важно целится наш брат,
Да в болгарских, да в солдат,
Да в таких, как мы.

Мы в беде, они в беде.
На одной сидим воде.
Я забыл, когда и где
Спал я по ночам.

Хоть бы маленький привал!
Тоудно взять нам перевал!
Много падало в провал:
Высока гора.

Двадцать нас, солдат, бредет.
Унтер на убой ведет.
Ноги в ранах, кровь идет:
Камни на горе.

Вот болгарин. «Взять живым!...»
Я бегу, бегу за ним —
Не догнал. «Стреляй!» — сквозь дым
Камнем он упал.

Привязал к бревну коня,
На ухо ему бубня:
«Умер он... из-за меня...
Где-то мать с отцом?»

Слышу голоса солдат:
По-болгарски говорят.
Это пленных наш отряд
Захватил в бою.

Наше войско в эти дни
Взяло в плен болгар. Они,
Спотыкаясь, шли... Родни
Им уж не видать.

Дым глотай и пададь жри!
От зари и до зари
Наши три полка за три
Корпуса дрались!

По нагорью вьется след
Дыма черного, как бред.
Где войска болгар? Их нет,
Разгромили их!

Длится много дней подряд
Бой. За пазуху летят
Пули. Много нас, солдат,
Плавает в крови.

Офицера грозен вид.
Шашка острая блесит.
«Разобьем врага!» — кричит...
Гонит нас вперед.

Нас собрали, молодых,
Да готовят мертвецов.
От болгар, в конце концов,
Нам неважно.

В горы враг бежит назад.
У горы глаза слезят.
Каждая слеза — снаряд.
И в слезах наш путь.

Верст по восемнадцать в час
Мы проделывали... Нас
Голод мучил. День погас,
Мы пришли к реке.

Бомбы щедрою рукой
Нам готовят за рекой.
Думали: вот-вот покой,
Ан гремит опять.

Метки выстрелы ружья,—
Пушка злее бьет, друзья.
Станет саваном моя
Серая шинель.

Выступы в снегах блестят.
Как снежинки, вниз летят
Души бедные солдат,
Как снежинки, вниз.

Слушать я с горы привык
Городов болгарских крик...
У отцов, у горемык,
Гибнут сыновья.

У французов — вот беда! —
Наша ваюится еда.
Птицам не лететь, куда
Головы летят!

Горы страшные стоят,
Думы важные таят.
То не горы, то солдат
Муки вознеслись!

Нас несло из края в край,
Хоть ложись да умирай.
То кафир¹, то Николай
Нас погнал сюда.

¹ К а ф и р — неверный, немусульманин.

В детстве видел я во сне,
Что картуз подарен мне.
В двадцать лет я на войне:
Сбылся страшный сон.

Бомба скроется в пыли,
Рассечет лицо земли.
Не своей мы волей шли,—
Продал нас кафир.

Солнце, снегу вопреки,
Гоеет наши котелки.
Продал целые полки
Николай-кафир!

Дым... раскрыть не можем глаз...
Видно, променяли нас
На снаряды, не спросясь,
Нас, живых людей.

Продал нас французам царь —
Вот так шкура! Вот так тварь!
Ляг в окоп да нюхай гарь,
Что-то запоешь!..

Нам — оружие, им — солдат:
Торг идет без лишних трат.
И голов несется град
На болгарский прах.

Нет на мне совсем лица,
Я похож на мертвеца.
Бойне, видно, нет конца,
Крепнет гул войны.

Офицеры нас вперед
Гонят, если бой идет.
Губит молодой народ
Сволочь Николай!

И ведут нас по лесам,
И ведут нас по горам,
Проданных,— по всем путям
Нас ведут, ведут...

Мая пятого приказ
Вышел: отдыхать. И нас
Табуном погнали враз
Всех — на водопой.

Две недели водопой
Нас питал самим собой.
Полежали — снова в бой...
Горькая судьба!

К станции, что за рекой,
Двинемся! Прощай, покой!
«Утром в путь!» — приказ такой
Офицер дает.

В пять утра труба поет.
Отправляемся в поход.
Шли, и шли, и шли вперед
Много, много дней.

И решили мы тогда:
«Повертай назад, айда!
От войны одна беда!» —
Так решили мы.

Шли мы, гнали прочь дрему,
Шли в ненастье, шли во тьму,—
К водопою своему,
Наконец, дошли.

Праздник тела и души!
Мы таскали камыши,
Словно гнезда, шалаши
Строили в степях.

Зажили одной семьей:
Нас приветил водопой.
Камыши таскай да пой —
Вот и всех делов.

Да сумей еду найти,
Да про волю речь вести...
Так два месяца почти
Прожили мы здесь.

Делегатов в край родной
Мы послали: стороной,
Пусть узнают, как с войной.
Скоро ли конец?

Делегатов не вернуть:
Все в Расею держат путь,
А в Расее — прямо жуть!
Посадили их.

Двадцать было их сперва,
Воротились только два:
«При Керенском-то, братва,
Мало перемен».

Из Сараева вдруг весть:
«Надо время знать и честь,
Все в Афины!» Ровно в шесть
Выстроились мы.

Офицеры тут, как тут,—
На позицию ведут:
На позиции дают
Жалованье им.

Мы — в Албании. Народ
В русский лазарет бредет:
Запрещен для русских вход,—
Так велел француз.

Докторам велит приказ, —
Не показывают глаз.
Малярия мучит нас,
Хины не дают.

У больного жар и бред,
Шевельнуться силы нет...
«Ты здоров», — один ответ
Знают доктора.

С жалобой придет солдат,
Гонят доктора назад
На позиции... Велят
Не жалеть больных.

Между четырех врачей
Есть один: он всех ловчей —
Лечит тех, кто поважней,
И калечит нас.

Там, в степи, где водопой,
День сиял нам голубой,
А в Албании любой
День сулит нам смерть.

На Албанию поход —
В каждой роте двести прет!
Из Албании — двухсот
В батальоне нет!

Забрала винтовки власть —
Угодили волку в пасть.
Сами в плен хотят попасть
Те, кто побойчей.

Тысячи солдатских душ,
Синие от страшных стуж
И голодные к тому ж,
Под конвоем прут!

Македонский горный скат...
Девки выстроились в ряд,
«Альте-пальте», — говорят.
Видно, жалко нас.

Грязны, рваны и в пыли.
До Водены мы дошли,
Заграждения нашли:
Взяли всех туда.

Город на горе. Стара
Македонская гора.
И от ночи до утра
Ходит часовой.

Трое вышло нас в село
Хлеб купить. Еще светло.
Вдруг арабов нанесло:
«Деньги или смерть!..»

Только крикнул я в ответ,—
Уж простыл бандитов след.
Нет арабов. Денег нет.
Хлеба тоже нет.

Месяц нас томит нужда,
Голодаем в холода.
Редкий пир для нас, когда
Черствый хлеб едим.

Вот, наставив пропасть дул,
Стережет нас караул.
Хоть бы кто-нибудь вздремнул!
Крепко стерегут.

Рано утром я проснись,
Голову поднять боюсь:
Надо мной, как смерть, француз
Вытянул ружье.

От французов нам невмочь,
Даже черные, как ночь,
Сенегальцы нас не прочь.
Как собак, побить.

Жрут французы — вот сумей! —
Жаб, лягушек, белых змей...
Поскорей бы, поскорей
В край родной притти.

А теперь французы враз,
Как медведей, лупят нас,
Чтобы мы пустились в пляс,
Цепью — по ногам!

Дружно стали все твердить:
«Надоело землю рыть!»
А французам нечем крыть:
Дракой не возьмешь.

Пусть беснуется француз!
На работу, кто не трус,
Не ходи! Ведь наш союз
Крепнет с каждым днем.

Гонит нас француз силком,
И палатки все на слом.
«На работу не пойдем!»
Он стрельбой грозит.

Залп раздался. Говор стих.
Повалило семерых.
Дружно поднялись мы вмиг.
«В нас, — кричим, — стреляй!..»

Перестал француз стрелять:
Нас решил измором взять...
По ночам не можем спать,
Видим семерых...

Мы лежим среди болот,
Мы в палатках, нам «почет»:
В гости к нам вода течет.
Навещает снег.

Хлеб солдатам не дают,
Три дня дерево жуют
И гнилую воду пьют,
И, как мухи, мрут.

Смех и горе: люди тут
Еле ноги волокут,
Но французы стерегут,
Чтоб не утекли.

Всех нас тысяча пятьсот.
Мы легли среди болот,
Видим мы — наперечет —
Родину во сне.

Лишь во сне мы, по ночам,
Мстить умеем палачам:
Голыми руками нам
Их не победить...

Вот команда к нам идет,
Притащила пулемет
И стреляет: «Из болот
На работу марш!»

Но пришел другой приказ,
Чтоб разъединили нас...
Как сопротивляться, раз
Мы не сплочены?

Порка началась потом,
Кто нагайкой, кто хлыстом.
Сенегальцы — те дубьем!
Кровь лилась рекой.

Сенегалец бьет, бандит,
Русский офицер глядит
И неслышно так твердит,
Мол, довольно бить...

Долго мы держались, но
Сдаться было решено,
Ибо с голоду давно
Умерли бы все.

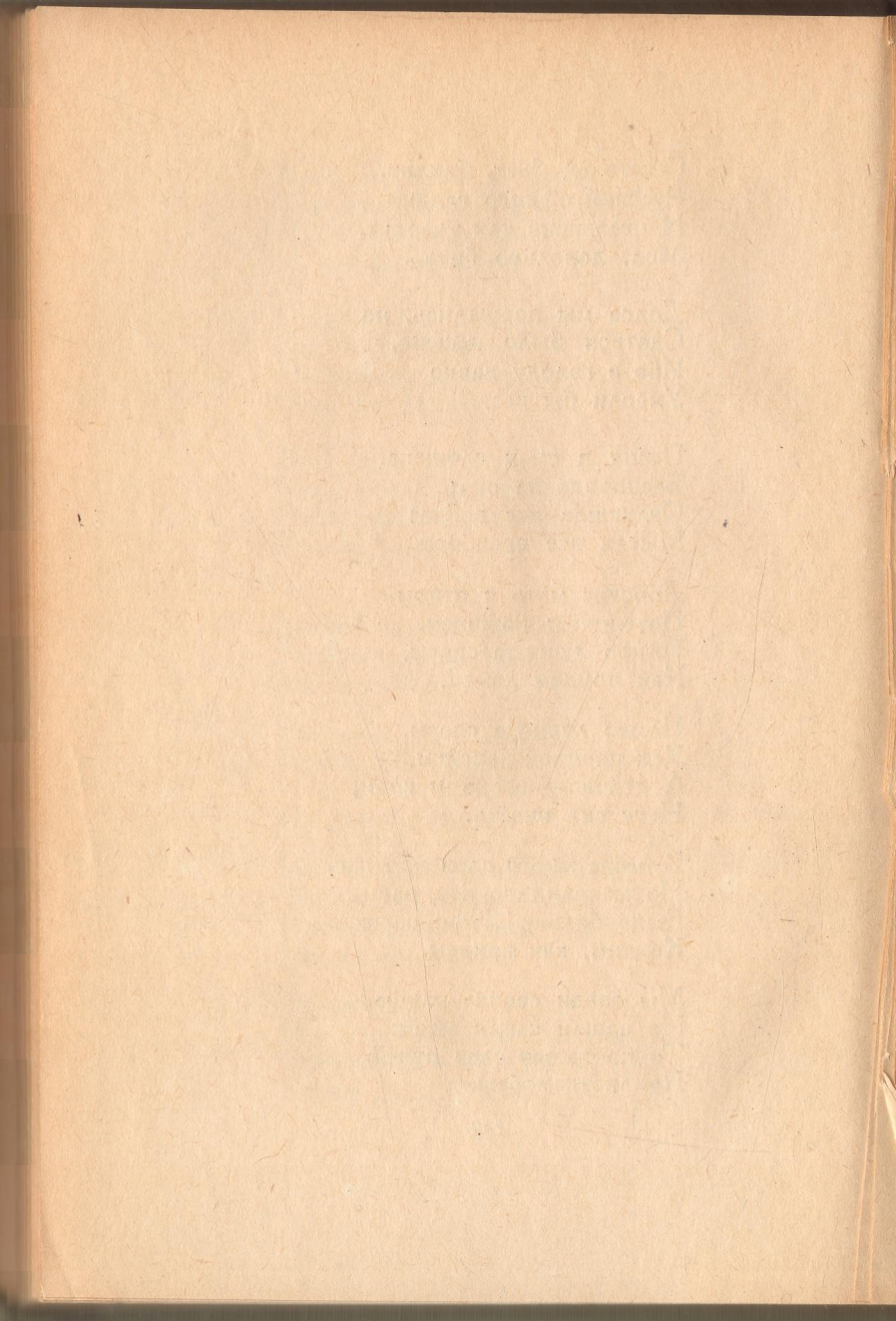
Песня в ямах сложена.
Беспорядочна она:
Оглушила нас война;
Мысли все вразброд.

Дорогие мать с отцом,
Потерпите: поживем,
Песню лучшую споем,
Как придем домой.

Песню лучшую споем,
Как порядок наведем,
А сейчас — огонь и гром,
Нету сил писать.

В песне много слов про нас,
Но мучений во сто раз
Было больше! Наш рассказ
Кончим, как придем.

Мы среди своих траншей
Не нашли карандашей:
То кровавых слез ручей
По листкам бежит.

ВЧЕРАШНЕЕ

Знойным летом ныли плечи
На полях у богачей.
Наши силы пропадали,
Высыхали, как ручей.

Наши розы увядали,
Гасли яркие огни.
Мы трудились на богатых,
Зря губили наши дни.

Коль воды помыться нету,
Снег топил я для мытья.
Был красив я, был я молод,
Только не было житья.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
-----------------------	---

ПЕСНИ ЛИРИЧЕСКИЕ

Яблони	пер. А. Ерикеев	35
От игры на звонкой скрипке	пер. М. Исаковский	36
Санья-апа	пер. А. Ерикеев	37
Утром вышел я из дому	пер. М. Исаковский	39
Увядают розы	пер. А. Миних	40
Голубок и соловей	пер. А. Ерикеев	41
Плач девушки	пер. А. Миних	42
Не погаснем, не увянем	пер. А. Миних	43
Галья Бану	пер. А. Ерикеев	44
Бибилай	пер. А. Миних	45
Апиш	пер. А. Ерикеев	47
Саджида	пер. А. Миних	49
Дремучий лес	пер. А. Миних и А. Ерикеев	50
Берега реки Белой	”	52
Гусиные крылья	”	53
Бадерлихат	”	55
Милый зять	пер. А. Миних	57
Милый зять (шуточный вариант)	”	59
Песня угнетенных	”	60
К тебе стучу	”	63

ЭПОС

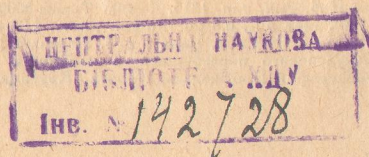
Сказ о Мукал-контоне	пер. С. Липкин	69
Смерть Сарби	пер. А. Миних	75
Мужик	"	79
Песня о Нурисламе и Сунгате	"	81
Песня о продаже девушек	"	91
Красавица	"	93
Батраки	пер. Б. Ковынев	95
Зелали	пер. С. Родов	99
Песня об Уртауле	пер. А. Миних	103
Песня о семи девушках	"	106
Песня о с-ми девушках (второй вариант)	"	109
Песня о бедняках из села Балыкчи	"	112

Солдатские песни

Первая песня	пер. Б. Ковынев	120
Вторая песня	"	123
Третья песня	"	126
Песня о войне	пер. С. Липкин	131

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕСНИ

Песни о Ленине и Сталине	пер. А. Миних	153
Песни о коммунистической партии	"	159
Комсомольские песни	"	163
Частушки	"	168
Ударница	пер. М. Исаковский	170
Песня колхозников	"	171
Вчерашнее	"	173

Редактор Г. Шенгели
Технический редактор
А. Цыпко и М. Легичева
Корректор Н. Дегтярев
и А. Безсмертная

Сдано в набор 3 декабря 1935 г. Подписано к печати — 27 марта 1936 г.
Зак. изд. № 1045. Зак. тип 1316. X — 60. Тираж 5000 экз. Формат бум.
72×110^{1/32}. Печ. лист 5^{1/2}, 6,5 учетно авт. лист. 4,06 авт. лист. Уполномо-
чоченный Главлита Б—13485. Цена 4 руб. П р е с с а 1 руб. Огпечатано
на бумаге Акудовского писчебумажного комбината им. Ярославского
в типографии Профиздата. Москва. Крутицкий вал, 18

